

Научная статья

УДК 94(47)“9/16”:316.3

DOI: 10.32516/2303-9922.2025.56.11

Мужская честь и бесчестье на Руси в допетровский период (X—XVII вв.)

Светлана Владимировна Омелянчук

Российский институт театрального искусства — ГИТИС, Москва, Россия, omelyanchuks@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8161-8552>

Аннотация. В статье рассматриваются представления о мужской чести на Руси в X—XVII вв. В этот период понятие «честь» описывалось терминами, демонстрирующими последствия бесчестящих действий, и обозначало как само оскорбление, так и возмещение ущерба за него. Возможность защиты чести законодательство распространяло на представителей всех социальных групп, включая иностранцев. К бесчестящим действиям относились: физическое насилие, сопряженное как с нанесением увечий, так и с травмами, имеющими морально-психологическое значение для личности (вырывание волос, бороды и пр.), словесные оскорбления, клевета, посягательства на репутацию. Для представителей высшего служилого сословия особое значение имела родовая честь, защита которой происходила в ходе местнических споров. Ответственность за бесчестье носила дифференцированный характер. Форма ответственности и тяжесть наказания зависели от социального статуса сначала только потерпевшего, а к середине XVII в. и виновного в бесчестящих действиях.

Ключевые слова: честь, бесчестье, оскорбление, почет, уважение, насилие, клевета, репутация, родовая честь, ответственность, местничество.

Для цитирования: Омелянчук С. В. Мужская честь и бесчестье на Руси в допетровский период (X—XVII вв.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2025. № 4 (56). С. 167—190. URL: http://vestospu.ru/archive/2025/articles/56/11_56_2025.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2025.56.11.

Original article

Male honor and dishonor in pre-Peter Russia (X—XVII centuries)

Svetlana V. Omelyanchuk

Russian Institute of Theatre Arts, Moscow, Russia, omelyanchuks@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8161-8552>

Abstract. The article examines ideas about male honor in Ancient Rus in the 10th—17th centuries. During this period, the concept of “honor” was described in terms demonstrating the consequences of dishonorable actions and denoted both the insult itself and compensation for its damages. The law extended the possibility of protecting honor to representatives of all social groups, including foreigners. Dishonorable actions included physical violence associated with both mutilation and injuries that have moral and psychological significance for the individual (pulling out hair, beard, etc.), verbal abuse, slander, and attacks on reputation. For representatives of the upper service class, family honor was of particular importance, the protection of which took place in the course of local disputes. Responsibility for dishonor was differentiated. The form of responsibility and the severity of punishment depended on the social status, first only of the victim, and by the middle of the 17th century, of the person guilty of dishonorable actions.

Key words: honor, dishonor, insult, respect, violence, slander, reputation, family honor, responsibility, localism.

© Омелянчук С. В., 2025

For citation: Omelyanchuk S. V. Male honor and dishonor in pre-Peter Russia (X—XVII centuries). *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2025, no. 4 (56), pp. 167—190. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2025.56.11>.

Введение

В современном обществе понятие «честь» означает прежде всего совокупность высших морально-этических принципов человека (честность, порядочность, добросовестность и т.п.), которые вызывают у самой личности и окружающих ее людей уважение и гордость. Под честью также подразумевается хорошая, незапятнанная репутация, доброе имя конкретного человека или его семьи [28, с. 880]. Однако не всегда современные представления о каком-либо понятии соответствуют взглядам на него средневекового человека.

В отечественной историографии вопросы, связанные с изучением чести, попали в поле зрения исследователей с середины XIX в. К изучению этой проблемы активно обращались историки права, которые рассматривали ее в контексте становления и развития правовой системы России [15; 20; 23]. В советский период всплеск интереса к проблеме чести в древнерусский период возник в связи с дискуссией о трактовке понятий «честь» и «слава», которая развернулась между Ю. М. Лотманом и А. А. Зиминим в конце 1960-х — начале 1970-х гг. Несмотря на принципиальные различия в трактовке двух этих понятий, оба исследователя рассматривают честь как социальное качество, присущее феодальной среде [21; 26].

В качестве одной из составляющих феодальной морали понятие дружинной и княжеской чести и славы рассматривал Д. С. Лихачев [24]. На излете советской эпохи вышла статья Л. А. Черной, в которой автор через призму русской литературы XI—XVII вв. сделала попытку реконструировать суждения о чести, свойственные разным слоям русского общества [58]. В современной отечественной историографии большой интерес представляет статья П. С. Стефановича. В ней исследователь, опираясь на переводные и оригинальные памятники литературы домонгольской Руси, рассматривает представление о чести в светском и религиозном контексте [55]. Проблема возмещения за оскорбление чести разных сословий в России на основе памятников русского законодательства XVI—XVII вв. раскрывается в статье Б. Н. Флори [57]. В работе В. Б. Тихоновой исследуются представления о чести в ментальности дворян и детей боярских Московской Руси [56].

Значительный интерес для рассмотрения вопросов чести в XVI—XVII вв. представляет монография американской исследовательницы Нэнси Шилдс Коллманн, которая, опираясь на широкую источниковую базу, попыталась рассмотреть, каким образом тягбы о бесчестье давали возможность представителям разных социальных групп русского общества ослабить напряжение, возникшее в ходе становления сословий, а также выяснить, каким образом власть использовала защиту чести в качестве одного из способов интеграции населения в растущем неоднородном государстве [22]. По мнению Н. Ш. Коллманн, в силу малочисленности источников «историография чести развита слабо... Что же касается бесчестья, то можно обнаружить лишь несколько статей». Исключением является местничество, заслужившее большее внимание, поскольку оно отражало «борьбу царя и элиты за власть» [22, с. 48].

Полагаю, что можно согласиться с мнением американской исследовательницы, утверждающей, что заявленная нами проблема до настоящего времени не получила должного разрешения в историографии. Предыдущие попытки ее исследования были ограничены слишком узкими хронологическими рамками, что не позволяло проследить эволюцию понятия чести и механизмы ее защиты, а их источниковая база опиралась на

источники только двух видов: юридические документы [15; 20; 23] либо литературные памятники [24; 26; 55; 58]. Кроме того, в поле зрения авторов, как правило, оказывалось только служилое сословие. Таким образом, тема нашего исследования по-прежнему сохраняет научную актуальность.

Цель исследования — раскрыть представления о чести и бесчестье мужчины в древнерусском обществе X—XVII вв. Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи: исследовать взгляд на честь и бесчестье в религиозной и светской литературе, а также в правовых сборниках указанного периода; рассмотреть формы бесчестья в древнерусском обществе, способы правовой защиты чести, а также ответственность за нанесение бесчестья.

В статье не затрагиваются вопросы, связанные с женской честью, так как эта проблема была рассмотрена нами ранее [30].

Источниковая база исследования представлена произведениями религиозной учительной [9; 11; 13; 19; 46] и светской литературы [10; 12; 14], древнерусскими летописями [39—41], правовыми источниками, включающими сборники законов [42; 32—34; 52], указы и распоряжения верховной власти [36—38], акты местного управления [33], договоры с иностранными государствами [31; 32], челобитные пострадавших от бесчествия их действий [1—6; 27; 38; 45—50], а также документы местнических споров [24; 36; 51]. Данный комплекс источников вполне репрезентативен и создает условия для достижения поставленной цели исследования.

Результаты исследования

О том, каким образом понималась честь в допетровской Руси, единого мнения не существует. Часть исследователей предполагает, что представление о чести как личном достоинстве человека на Руси еще не сформировалось. Русский юрист второй половины XIX века Н. И. Ланге считал, что у русского народа, не отличавшегося в этот период времени высоким уровнем образования и духовной жизни, честь воспринималась «не иначе как большее или меньшее достоинство служебное», которое различалось «по важности сословий, по родственным отношениям и другим внешним обстоятельствам» [23, с. 161].

Современная исследовательница Л. А. Черная, изучая древнерусские переводные и оригинальные литературные памятники, объединила представления о чести в три группы: честь как достоинство человека — это всеобъемлющее, главное значение; честь как слава, в особенности воинская; и наконец — как святость [58, с. 56]. При этом автор обращает внимание на то, что в понимании личного достоинства определяющим был социальный фактор, при котором «древнерусский человек осознавал себя прежде всего членом своей семьи, рода, затем — более широкой социальной группы (общины, дружины, городского посада и т.п.) и, наконец, мыслил себя в рамках государства». О личном достоинстве, по мнению автора, древнерусский человек не знал [58, с. 56—57, 60]. На связь чести с общественным статусом в допетровской Руси указывает и Б. Н. Флоря. По его мнению, именно ее наличие обосновывало право человека на определенное социальное положение [57, с. 5].

В свою очередь, ряд исследователей считают, что параллельно с честью служебной и родовой постепенно начинает зарождаться и представление о личном достоинстве. П. О. Бобровский отмечал, что в русской истории длительное время не создавалось значение личности самой по себе, независимо от общественного положения, однако к середине XVII в. уже начинает пробиваться понятие о чести личной, а падение местничества, по мнению автора, устранило существенное препятствие к признанию в каждом человеке личных качеств [15, с. 4]. М. Ф. Владимирский-Буданов обращал внимание на то, что хотя понятие чести как личного достоинства в уголовных кодексах не обнаруживается, в

судебных актах можно уловить его присутствие в обозначении того, какие именно слова считались оскорбительными [17, с. 410].

В настоящее время П. С. Стефанович, анализируя трактовки понятия чести, содержащиеся в словарях старославянского и древнерусского языков, также приходит к выводу, что в них понятие чести связано с общественным положением человека, что «именно социальное содержание было изначальным и восходит к древнейшему праславянскому лексическому фонду», поэтому очень трудно судить о том, обозначало ли «праславянское понимание чести достоинство личности как субъекта, осознающего себя в мире в определенном качестве, достойном уважения независимо от социального, юридического, властного и т.п. статуса». Тем не менее, пишет автор, в христианском контексте оттенок, характеризующий моральное достоинство человека, уже явно прослеживается [55, с. 66].

В рамках третьего подхода сформировалась идея о том, что в Древней Руси наравне с родовой и социальной честью сформировалось представление о личном достоинстве человека. М. В. Духовский считал, что уже в ранней истории Руси произошли изменения взглядов на честь. Если в догосударственный период человек, будучи членом рода, плохо осознавал свое личное достоинство и честь носила родовой характер, то уже во времена «Русской Правды» честь сочетает в себе представление о внутреннем нравственном достоинстве личности с проявлением внешнего уважения в «среде сограждан» [20, с. 155, 167—168]. О сильном развитии личности на Руси в свете суровости наказаний за обезображивание пострадавшего писал И. Д. Беляев [8, с. 231].

По мнению американской исследовательницы Н. Ш. Коллманн, честь была проявлением личного достоинства, обладателями которого были все подданные царя, независимо от своего социального статуса [22, с. 11—12]. Автор считает, что понятие чести на Руси включало уважение обществом достоинства, неприкосновенности и репутации личности, а также представления о добропорядочной жизни, супружеской верности, сдержанных эмоциях, миролюбии, уважение социальной иерархии и ее институтов [22, с. 70].

Каково было представление о чести на Руси в языческий период, выяснить достаточно сложно. С принятием христианства церковь, помимо всего прочего, выполняла в обществе воспитательную функцию, формируя представления о должном поведении с точки зрения христианской морали. Среди понятий, на которые духовенство обратило внимание, была и честь.

Наиболее полно христианские представления о чести прослеживаются в многочисленных поучениях религиозного и светского характера. К числу важнейших достоинств человека учительная литература относил уважение и почтение, которые необходимо оказывать людям в соответствии с их статусом. Не случайно в словарях старославянского и древнерусского языков, составленных на основе древнерусских рукописей, в большинстве своем имевших религиозный характер, дается следующее определение понятия чести: почет, уважение, почитание, прославление, благоговение, преимущество, достоинство, почтение, благочестие, набожность, чин, звание, должность, достоинство [53, стб. 1571—1573; 54, с. 786].

В «Изборнике» 1076 г. автор, с одной стороны, наставлял не стыдиться кланяться всякому «създаному въ образъ Божий», но с другой — степень уважения должна соответствовать статусу человека: равного себе с миром встречай, «мьншая себе съ любовью приеми» и встань перед тем, кто честью выше («честьнейшимъ») [9, с. 408]. В «Повчании духовника исповедующимся», написанном в XIII в., говорилось о том, что прежде всего к «властелем страх имеи и любовь», ибо «всяка власть от Бога», а потом уже ко всем остальным «по санъм»: с равными себе «любися», а меньших «милоуй» [46, стб. 124].

В XVI в. мысль о необходимости оказывать почтение по социальному статусу не утратила своей актуальности. В «Домострое» указывалось, что человек должен быть «боязливъ предъ Царемъ», к «большимъ быти послушну и покорну», не пренебрегать людьми, с «убогимъ» быть «приветну и милостиву» и даже «наймита наймомъ не изоби-дети» [19, с. 8, 21].

Необходимым качеством уважаемого человека, с точки зрения церкви, было благо-честие, под которым подразумевалось почитание Бога через соблюдение его заповедей. Достойный человек должен быть почтительным к пожилым людям [9, с. 408, 450], мило-сердным к нуждающимся, вдовам и сиротам [46, стб. 124], правдивым, не лжесвидетель-ствовать, не осуждать «всякого чловька», не сплетничать [9, с. 418, 422, 460].

Подробный перечень характеристик, которым должен был соответствовать благоче-стивый муж, указан в «Домострое»: «Праведен... истинень, и смиренъ... умиленъ къ Богу и человекомъ приветливъ». Такой человек всегда «печалнаго утешит» и «терпеливъ въ напастехъ», он «щедръ, милостивъ, нищекормилецъ, странноприимникъ, скорбенъ греха ради, весель о Боге... кротокъ, не словохотень, не златолюбецъ, но друголюбецъ, не гордь... не осудникъ всякому человеку, поборникъ обидимымъ, не лицемерень...» [19, с. 8]. Еще одним бесчестящим пороком церковь считала распущенность, так как помыс-лы сластолюбивые «тлять бо душу и плоть оскверняютъ» [9, с. 440].

Большое внимание христианские поучения уделяли действиям, бесчестящим чело-века, лишаящим его почета и уважения. Матерью пороков автор «Изборника» 1076 г. считал леность, которая имеющиеся добродетели «крадетъ», а отсутствующие «не дастъ обрести» [9, с. 436], поэтому «иже в лености кто в житии сем пребываетъ, той не спа-сется» [13, с. 108]. Предостерегало духовенство людей от «объядания» и особенно от «пиянства», ибо «мъногы бо погубилъ медь» [9, с. 422, 440, 466]. Как дым прогоняет пчел, так пьянство, по мнению епископа Белгородского Григория, «Святаго Духа прого-нить», потому что пьющий человек преисполнен пороков и оскверняет себя бесчестящи-ми поступками, угодными дьяволу. Когда упиваетесь, пишет епископ, тогда «блудите, и играете, плищете [кричите]¹, поете, пляшете, в сопели сопете [в дудки дудите], завидите [завидуете], рано пьете, объедаетесь, упиваетесь, блюете, льстите, злопоминаете, гнева-етесь, лааетесь, хулите, осержаетесь, лжете, горьдите, кощуняете, срамословите, кличете (вопите), сваритесь, море вамъ до колена, смеетесь, крадете, бьетесь, деретесь, празд-нословите, смерти не поминаете, спите много, осуждаете, вадите [порицаете], божитесь, укаряете, клеплете [наговариваете]» [11, с. 288].

Произведения светской литературы также рассматривали честь как уважение, кото-рое человек оказывает людям, обладающим разным социальным статусом. Владимир Мономах в поучении своим детям писал, что, если человек хочет быть достойным уваже-ния, он должен сам относиться с почтением к окружающим: «старийшимъ покарятися, съ точными и меншими любовь имѣти» [39, с. 101].

Таким же образом воспринималась честь и в XVII в.: «Не безчествуй, чадо, богата и убога, а имей всех равно по единому» — наставляли родители сына в «Повести о Го-ре-Злочастии» [14, с. 33].

Представления о чести в памятниках светской литературы во многом перекликались с религиозными поучениями. Владимир Мономах призывал сыновей быть благочести-выми, т.е. научиться по евангельскому учению «очима управленье, языку удержанье, уму смиренье, телу порабоощенье, гневу погубленье, помысль чистъ имети, понужаяся на до-брая дела» [39, с. 101].

¹ В скобках для пояснения значения некоторых слов использован параллельный текст на современном русском литературном языке, приведенный в цитируемом источнике.

Произведения более позднего периода не столько призывали к христианской добродетели, сколько предостерегали от совершения бесчестящих человека действий. К таковым относились болтливость и злоязычие: «Сыне, удержи уста от зла» [10, с. 32] — наставляет «Повесть об Акире Премудром»; «Молви, яже достойно, и егда достойно, и о них же достойно» [12, с. 438] — вторит ей «Пчела». Признаком бесчестья считались лживость: «Лукавии мужи», нравом своим «неверни» (бесчестны) [12, с. 414], поэтому «не думай... обмануть, солгать, и неправду учинить... не буди послух лжесвидетелству»; воровство: «не думай украсти, ограбити» [14, с. 33], лучше, если кто «у тебе украдет», чем сам «татемь наречешися» [10, с. 36], потому что «девица бо погубляет красу свою бляднею, а мужь свое мужество татбою» [11, с. 278]; тщеславие («буесть»), отнимающее «бытье мудрьное», и завистливость, которая «есть струпъ правьде» [12, с. 436, 440].

Светская литература стремилась повлиять не только на формирование духовных качеств человека, но и внушить ему основные правила поведения дома и за его пределами: на службе или на пиру, чтобы не было «позорства и стыда великаго и племяни укору и поносу безделнаго» [14, с. 32—33]. «В дому своем», если нет «к тому повода», рекомендовалось ссор не начинать, «не то осудят тебя соседи твои»; на службе «мьзды» не брать [10, с. 34]. На пиры и братчины лучше не ходить, но если пришел, то не садиться на «место большее», не пить «двух чар за едину» [14, с. 32], не сидеть с недовольным лицом («посуплень личемъ»), иначе «неблагъ [неучтивым] наречешися», долго на пиру не засиживаться, иначе прогонят [10, с. 34—35, 38]. Чтобы не обесчестить себя в глазах людей, автор «Повести о Горе-Злочастии» рекомендовал не давать «очамъ воли», не заглядываться на «красных жен», не водить дружбы с людьми «глупыми, немудрыми», отказаться от знакомств с «костаремъ [игроком в кости] и корчемником... з головами кабацкими» [14, с. 32—33].

Конечно, представления о чести, содержащиеся в произведениях религиозной и светской литературы, носили идеализированный характер, они формировали образец, которому должен был следовать настоящий христианин.

Понимание чести, в большей степени соответствующее реальной жизни, можно увидеть в источниках правового характера, начиная от сборников законов, устанавливающих ответственность за посягательство на честь, и заканчивая разнообразным актовым материалом, содержащим как жалобы отдельных людей на «бесчестье», так и судебные дела, рассматривающие подобного рода конфликты.

В правовых источниках понятие «честь» описывается терминами, показывающими личные или правовые последствия бесчестящих действий. В юридических памятниках XI—XIII вв. использовались слова «обида», «сором», с XIV в. они заменяются понятием «безщестие». Все они обозначали, с одной стороны, несправедливость, оскорбление, вред, а с другой — размер и форму возмещения ущерба.

Н. Ш. Коллманн считает, что сознание личного достоинства, которое могло быть публично защищено, существовало у восточных славян с древних времен. Ее поразило, что субъектами защиты чести со времен «Русской Правды» были представители разных социальных групп [22, с. 64, 67]. Действительно, уже статья 33 Краткой редакции «Русской Правды» наказывает не только за насилие в отношении огнищанина, тиуна и мечника, но и устанавливает плату за «обиду», нанесенную смерду «без княжа слова». Это положение нашло свое закрепление и в статье 78 Пространной редакции «Русской Правды» [42, с. 198, 574]. Более того, статья 56 Пространной редакции разрешает закупу обращаться к князю или к судьям с просьбой «дати ему правду» в случае нанесения обиды хозяином [42, с. 482]. И если выяснялось, что пьяный владелец закупа бьет его «без вины», то

статья 62 Пространной редакции предусматривала выплату закупа за «обиду» такой же суммы, как за оскорбление свободного человека [42, с. 526].

В юридическом памятнике XIV—XV вв. «Правосудие митрополичье» указывался перечень лиц, имеющих право на защиту своей чести. В нем мы видим великого князя, «меншего» князя, представителей княжеской администрации (сельский, тысячник, околичник, тиун княжий), боярина, слуг и представителей церковного клира (игумен, поп, дьякон) [33, с. 426].

Судебник 1550 г. расширял список людей, обладающих правом требовать защиту от «безчестия». К ним относились представители служилого сословия (бояре, окольные, дворецкие, дети боярские); государственного и местного административного управления (казначей, дьяки, подьячие, дьяки палатные и дворцовые, «довотчики»); высшие представители боярской челяди («боярский человек добрый», «тиун боярский») и обычные боярские холопы («боярский человек молодой»); торгово-ремесленное население («гости большие», «торговые и посадские люди», «черный городской человек»), крестьяне «пашенные» и «непашенные» [34, с. 234, 238].

Судебник 1589 г. распространил право защиты от бесчестия практически на все население России. В нем детально перечисляются представители государственной администрации, представители земского и волостного управления («судья», «целовальник судецкий», «сотский», «пятидесяцкий», «десяцкий», «дьяки земские»), церковного клира («поп», «дьяк», «пономарь», «иегумен», «чернец»), городского населения (гости большие, средние, меньшие, торговые люди, «повоский человек», «молодой повоский человек»), «стрельцы и ратные люди, вольные казаки», «крестьяне пашенные», «добрые крестьяне, которые торгуют или деньги и рожь займы дают», а также скоморохи, «калики» (странствующие нищие), «московские городские нищие кликуны», незаконнорожденные дети («выблядки») и даже «бляди» и «ведьмы», при всем неуважении к роду их занятий («против их промыслов») [34, с. 419—421].

Наиболее полный перечень разных социальных групп, имеющих право на защиту своей чести, представлен в Соборном уложении 1649 года: духовенство (от Патриарха до «безместного попа»), представители служилого сословия (бояре, окольные, дворяне, дети боярские, стольники, стряпчие, жильцы и др.), стрельцы, городское население («гости или гостиные и суконные и казенные и черных сотен и слобод и городовых посадских людей») и даже «гулящие» люди. Государство закрепляло право на защиту чести за крестьянами, причем не только свободными черносотными («черных волостей»), но и крепостными («боярских людей, или помещиковых и вотчинниковых») [52, с. 19, 34—38].

Не только русские подданные, но и иностранцы, находящиеся на царской службе, могли искать защиту в суде от бесчестия. Немецкий дипломат Адам Олеарий писал, что во времена правления Михаила Федоровича англичанин Джон Барнеслей должен был заплатить за бесчестие доктору Дею, также англичанину, а полковник Боккегоффен-младший потребовал платы за бесчестие от француза капитана де-ла-Коста [29, с. 188]. В 1643 г. царский трубач Кристофер Цыклер подал в суд на служилого человека за устное оскорбление. А ротмистр полка нового строя был подвергнут телесному наказанию за то, что назвал своего старшего офицера Микулу фон Бердина «немчишкой» и «пьяницей» [22, с. 93]. В 1682 г. был издан указ «О нечинении с приезжими людьми ссор и о неназывании никого поносными словами», в соответствии с которым стрельцам под угрозой наказания приказывалось, чтобы они с иностранцами «никаких ссор и раздоров не чинили и никаких поносных слов никому не говорили, и ничем никого не дразнили и не безчестили ни которыми делами» [37, с. 475—476].

В Древней Руси «обида» изначально рассматривалась как физическое насилие. Явившийся на суд муж «кровав или синь» по статье 2 Краткой редакции «Русской Правды» мог рассчитывать «взяти... за обиду 3 гривне» [42, с. 59]. Эта норма была подтверждена и статьей 29 Пространной редакции «Русской Правды», но законодатель уточнял, что если пострадавший «сам почал» драку, то платить ему как зачинщику 60 кун [42, с. 350]. В «Русской Правде» перечислялись ранения, требующие компенсации. Самыми тяжкими среди них считались приводившие к серьезным увечьям: «аче ли утнеть руку и отпадеть рука или усохнуть, или нога, или око». За такие последствия статья 27 Пространной редакции назначала штраф в размере 20 гривен [42, с. 346]. К насильственным действиям, влекущим менее тяжкие последствия, законодатель относил такие ситуации, как «аже выбьют зубь», за эту обиду взимался штраф в размере 12 гривен. В случае, если насильник «перст утнеть» или «ударить мечем», но ранит не до смерти, закон карал виновника штрафом в размере 3 гривен и необходимостью выплатить раненому на лечение [42, с. 349, 354, 547]. Эти положения нашли свое подтверждение в XIII в. в договорах Смоленска с Ригой и Готским берегом. В этих памятниках также говорилось о взыскании обиды пострадавшему в случае утраты руки, ноги, глаза и зуба, а также за ранения, нанесенные мечом или ножом [32, с. 59, 72]. К XVII в. перечень физических обид расширился, помимо уже указанных в него вошли действия, связанные с отсечением носа, уха, обрезанием губ [52, с. 22, 37—39, 130].

Жалобы на оскорбления с применением физического насилия поступали в судебные инстанции от представителей всех сословий. В 1582—1583 гг. настоятель Кирилло-Белозерского монастыря Игнатий вместе со всей братией жаловался царю Ивану IV на своеволие старца Александра, который «иных... старцов» выкинул из собора, а «прочую... братию, служебниковъ и крылошанъ, колеть остномъ и бьеть плетми... и на чепь и въ железа сажаетъ» [1, с. 404]. А в 1693 г. разгорелся скандал между боярином Алексеем Шеиным и князем Михаилом Ромодановским, в ходе которого оба жаловались царю на то, что Ромодановский бил Шеина, а также «вынял нож и хотел его резать», а Шеин своего противника «бил палкою» [38, с. 149—151].

Простое население также не желало терпеть бесчестящее его физическое насилие и активно обращалось к властям в поисках защиты и справедливости. В 1665 г. крестьянин Мишка Елохин жаловался на крестьянина Никиту Лунева за то, что тот бил его «своим самоволством на смерть, голову испроломал до крови, и по рукам, и по ногам, и по хрепту бил, и увечна учинил на век» [49, стб. 330]. А в 1695 г. крестьянин Опоцкого прихода «Ивашко Стефанов сын Невзоров» бил челом на священника «Леонтия Козмина Попова», который, будучи пьяным, его, Ивашку, «схватил, и о пол ударил, и костыль вырвал, и по полу по трапезе волочил, и кулаками бил, и о мою голову свою руку росшиб до крови» [47, стб. 1167].

Оскорблением считалось не только причинение увечий, но и любые действия, демонстрирующие агрессию и сопровождающиеся насилием. В древнерусский период в дружинной среде, со времен правления первых князей, таковыми считались удары, нанесенные мечом, копьём или другим оружием [31, с. 7, 34]. Еще более бесчестящими воспринимались удары «тылеснию» (боковой стороной меча), оружием, которое не вынуто из ножен, или его рукоятью. И даже если меч был просто обнажен, такое действие тоже рассматривалось как оскорбление [42, с. 65, 70, 80, 339, 341]. Самыми унижительными, по всей видимости, были побои, нанесенные предметами, не относящимися к оружию, к таковым причисляли батог, кнут, жердь, чашу, рог, кол [42, с. 65, 342, 356; 32, с. 59, 72, 125; 52, с. 130]. Бесчестьем считалась травля собакой. Соборное уложение предусматривало случаи, когда «кто на кого пустит собаку нарочным делом», и та собака пострадавшего

«изъест, или платье издерет» [52, с. 63]. Даже Л. А. Черная, утверждавшая, что о личной чести не ведали в дружинной среде ни до принятия христианства, ни после, признает, что подобная обида «состояла в основном в ущемлении личной чести, когда обижен был не сам удар, а то, *чем* он нанесен» [58, с. 60—61]. Как отмечает Ю. М. Лотман, перечисленные преступления наносили пострадавшему не столько физический, сколько «знаковый» ущерб, и вознаграждение, предусмотренное законодателем, было направлено на компенсацию именно бесчестья [26, с. 112].

Поступком, наносившим не только физический, но и моральный ущерб, считалось вырывание бороды, усов и насильственное пострижение головы. За такие действия «Русская Правда» взимала с виновного штраф в размере 12 гривен, что намного больше, чем за отсечение пальца, которое каралось «3 гривны продаже» и пострадавшему «гривна кун» [42, с. 78, 349, 544]. По соглашению Смоленска с Ригой и Готским берегом, виновный в том, что «уръветь бороды», платил «3 гривны серебра» штрафа за оскорбление простого «смолянина» и «5 гривен серебра», если «уръветь бороды... боярину» [32, с. 74]. В Пскове вырывание бороды, произошедшее при свидетеле, готовом принести присягу, также рассматривалось как преступление против чести и разрешалось судебным поединком между свидетелем и обвиняемым. В случае победы свидетеля «Псковская судная грамота» назначала виновному штраф в размере двух рублей, и это при том, что за убийство взимался «рубель продажи» [32, с. 301, 298]. В XVI в. насильственное пострижение или вырывание волос, бороды и усов («Аще кто кому пострижет браду ли главу»; «Кто у кого бороду вырвет») относилось уже к компетенции церковного суда [33, с. 427; 3, с. 80].

О том, насколько оскорбительными были подобного рода действия, свидетельствуют события 1174 г., когда конфликт между Владимиро-Суздальским князем Андреем Боголюбским и Ростиславичами, возникший из-за нежелания Романа Ростиславича выдать «Григоря Хотовича, и Степаньца, и Олексу Святославця», которых князь обвинял в убийстве своего брата Глеба, перерос в горячую фазу после того, как один из братьев, Мстислав Ростиславич, опозорил Андреева посла — мечника Михну, повелев «постриси голову перед собою и бороду». Узнав об этом, Андрей Боголюбский настолько разгневался («образ лица его попустнел»), что начал войну против Ростиславичей [40, с. 108—109]. Поступок Мстислава Ростиславича бесчестил не только посла, но в его лице и Владимиро-Суздальского князя.

В более позднее время такие конфликтные ситуации, связанные с нанесением морального вреда, возникали во всех слоях общества. В 1579 г. священник Борис Голев заявлял губному целовальнику Ефиму Рыпакову на Тимофея Тарбаева, который не только отобрал у него деньги и сорвал одежду, но и «ухватил за горло утиральником», волок по улице, «выдрал с головы волосы». Сам пострадавший оценивал действия Тарбаева по отношению к себе как «безчестие», «убыток» и «срамоту» [48, стб. 117—118]. В 1668 г. в ходе конфликта попа Улиана Иванова с вдовой Евдокией Кобылиной и ее детьми один из сыновей Евдокии, Гаврила, бранил священника и «за бороду драл», а его брат Тимофей грозил «убить чеканом до смерти» [2, с. 437]. Похожие жалобы были и на представителей клира. В 1692—1693 гг. жители Еренского городка сетовали на соборного дьяка Авксентия, который, по их словам, «пьет... на кабаке безобразно» и многих в городе «бывал и за бороды дирал и за горлы давливал... безвинно» [47, стб. 1068]. А в 1674 г. житель Кулострова Фома Ушаков жаловался на Матвея Окулова за то, что он «бил... меня, сироту твоего, и увечил нахвальню, и окровавил, и головою моею в трапезную стену стучал, и бороду выдрал» [48, стб. 440].

М. В. Владимирский-Буданов полагал, что вырывание бороды действительно считалось тяжким оскорблением для мужчины, так как она являлась символом мужественности [17, с. 376]. В. Л. Янин в комментариях к статье 26 «Устава князя Ярослава о церковных судах» высказывал мнение, что ветхозаветное требование не стричь бороду нашло свое закрепление в древнерусском праве, возможно потому, что церковью и государством борода расценивалась как внешний признак принадлежности к православному народу и «служила наглядным средством консолидации внешне однообразной массы и противопоставления ее вне стоящим» [43, с. 184—185]. О сакральном значении бороды, связующей человека с Богом, создавшим его, свидетельствует и народная пословица «Борода — образ и подобие Божие» [18, с. 328].

Большое значение в средневековом обществе играл костюм. Он выполнял не только утилитарную функцию, но и являлся индикатором социального статуса личности, поэтому покушение на одежду или какой-нибудь из ее элементов могло быть воспринято как покушение на положение человека в обществе, его чин, достоинство, почет и уважение, на которые он мог претендовать. Уже в Древней Руси оскорбительным считалось, если мужчину не только толкали, но и рвали на нем одежду («мятель роздрьть») [32, с. 125].

В Московский период подобного рода бесчестящие действия имели иногда серьезные, в том числе и политические последствия. В 1433 г. великая княгиня Софья Витовтовна на свадьбе своего сына великого князя Василия Васильевича увидела на старшем сыне Юрия Дмитриевича Галичского Василии украденный «пояс злать, на чепехъ, съ камениемъ», полученный в качестве приданого Дмитрием Ивановичем Донским от тестя, суздальского князя Дмитрия Константиновича. Софья посчитала его собственностью своей семьи и сняла пояс с Василия Юрьевича, после чего «князь Василей» и его брат «князь Дмитрий Юрьевичи, розлюбившесся, побегоша съ Москвы ко отцу своему въ Галичь, и пограбиша градъ Ярославль, и казны всехъ князей разграбиша», а князь Юрий Дмитриевич Галичский «поиде ратью на братанича своего на великого князя Василья Васильевича» [41, с. 17]. Это событие дало толчок к длительной феодальной войне. По мнению М. М. Рудковской, пояс имел не столько высокую материальную ценность, сколько символическое значение. Владение им как наследием Дмитрия Донского означало преемственность власти [44, с. 13]. Кроме того, как считает А. К. Байбурин, наличие или отсутствие пояса на Руси соотносилось с определенным типом поведения. Отсутствие пояса у женщины рассматривалось как символ развращенности, а у мужчины — бессилия. Поэтому, пишет автор, сорвать пояс означало нанести тяжчайшее оскорбление [7, с. 6].

Со времен Древней Руси не столько физический, сколько моральный ущерб наносило вмешательство женщины в драку между мужчинами, а тем более, если она хватала противника своего супруга за «лоно» [43, с. 251]. Хватание «рукою за тайные уды» считалось бесчестьем и в XVII в. [5, с. 206]. Подобные случаи относились к компетенции церковного суда.

Сильнейшую физическую и психологическую травму наносили действия против половой неприкосновенности личности. В 1639 г. Терешка Васильев жаловался митрополиту Ростовскому, Рославскому и Великоустюжскому Варламу на стрелецкого сотника Осипа Иванова, который заманил его, Терешку, в чулан и там «ухватил силою, и блудным насильством изнасилничал» [49, стб. 214].

В Московский период физическое бесчестье отягчается словесными оскорблениями, на которые в Древней Руси, по всей видимости, внимание не обращали. Доказательством этого является найденная в Старой Руссе берестяная грамота № 35, датируемая 30—40-ми годами XII в. В ней Хотеслав в ответ на указание брата Радослава забрать у торговца «2 гривене и 5 коуно», не стесняясь в выражениях (самый мягкий эпитет «похот-

ливый)), предлагает ему не оригинальничать (видимо, совершенно не опасаясь гнева родственника за такие словесные обороты) [60, с. 117]. Подобные выражения, вероятно, были частью разговорной речи, поэтому и не воспринимались как бесчестящие.

О широком распространении среди русских людей словесных оскорблений писал немецкий дипломат Адам Олеарий: «Они вообще весьма бранчливый народ и насакивают друг на друга с неистовыми и суровыми словами, точно псы». При этом он обращал внимание на то, что местные жители пользуются не распространенными в Германии «проклятиями и пожеланиями с именованьем священных предметов, посылкою к черту, руганьем “негодяем” и т.п.», а употребляют «многие постыдные, гнусные слова и насмешки». При этом, пишет автор, «говорят их не только взрослые и старые, но и малые дети... и говорят это родителям дети, а дети родителям» [29, с. 186—187]. Это наблюдение Олеария находит свое подтверждение в посланиях духовенства. В 1410 г. митрополит Фотий в своем обращении в Новгород настойчиво требовал от священников учить своих детей духовных, «чтобы перестали от скверных словес неподобных, что лаяти именем отцевым и матереным» [46, стб. 274]. И в середине XVI в. авторы святительских поучений духовенству еще раз возвращались к этой проблеме: «...а матерны бы дети ваши духовные не лаяли, ни какова слова скверна не говорили...» [46, стб. 919].

Впервые о том, что досадными для человека считаются не только поступки, но и слова, указывает «Двинская уставная грамота» 1397—1398 гг. В статье 2 этого документа, говоря об обиде, причиненной боярину, законодатель на первое место ставит устное оскорбление («А кто... излает боярина»), а только потом нанесенные ему побои («или до крови ударит, или на нем синевы будут») [33, с. 162]. В Судебниках 1497 и 1550 гг. обвинение в «лае» уже не привязывается к конкретной социальной группе, и словесные обиды рассматриваются как равнозначные побоям: «А кто кого поймает приставом в бою, или в лае...» [33, с. 355; 34, с. 240]. Принцип защиты представителей всех сословий русского общества от бесчестья словом нашел свое закрепление и в Соборном уложении 1649 г. [52, с. 34—38].

О том, что именно словесные обиды воспринимались населением наиболее болезненно, свидетельствует и актовый материал. Рассматривая челобитные XVI—XVII вв., Н. Ш. Коллманн приходит к выводу, что оскорбление действием редко являлось причиной бесчестья, как правило, оно сопровождалось словесным оскорблением. Из 558 случаев, в которых автору удалось определить тип оскорбления, только в 45 бесчестящим воспринималось физическое насилие, в 189 случаях — физическое действие, сопровождающееся устным оскорблением, а в 324 случаях оскорбление было только устным [22, с. 86].

Под устными обидами подразумевались «невежливые», «непригожие», «неистовые» слова, «неподобная», «скаредная» или «матерная» брань [52, с. 38—39; 47, стб. 709, 1027, 1323]. К разряду оскорбительных относились такие слова, как «жюпик», «вор», «лысый дьявол», «сукин сын», «собака» [48, стб. 1263; 27, с. 102; 22, с. 89], клеветнические обвинения в безнравственном образе жизни («блудник», «прелюбодеец») или в незаконном рождении («выблядок») [5, с. 206; 22, с. 89]. Правда, в последнем случае, если выяснялось, что обиженный действительно являлся внебрачным ребенком, такому истцу в соответствии со статьей 280 главы X Соборного уложения в «бесчестьях отказывати» [52, с. 63].

Жалобы на подобного рода оскорбления поступали от представителей всех сословий. Бесчинствовавший в 1582—1583 гг. в Кирилло-Белозерском монастыре старец Александр обзывал игумена и соборных старцев «блядинами детми» [1, с. 404]. В 1638 г. архимандрит Николаевского Шартомского монастыря Иосаф бил челом на сына боярского

Андрея Козлова, который, приехав в монастырь, бранил архимандрита и келаря «всякою неподобною бранью», а также с ножом за ними гонялся [45, стб. 719]. «Троецкой поп Иван» заявлял архимандриту Рафаилу на свою прихожанку Прохорову Фетинью, которая обзывала его «лодыжником», «шпынем», «мучителем», «собакою» и бранила «всячески неудобь сказаемо» [45, стб. 1013]. А священник Авдей Харитонов жаловался на своего духовного сына Авдея Корепина за то, что тот назвал его «бесом» [47, стб. 709].

В ходе ссор, возникавших между боярами, участники не только оскорбляли друг друга, но и родственников оппонента. Князь Иван Черкасский бил челом царю Михаилу Федоровичу на князя Ивана Лыкова за то, что тот ругал его «всякою неподобною лаею», назвал «дураком» и «всяким позорным словом позорил» не только самого Михаила, но и его родителей. Иван Лыков подал царю встречную челобитную, в которой обвинил Ивана Черкасского в том, что он ругал «матерны и всякою неподобною лаею» самого Ивана, его отца, мать, жену, а также называл Лыкова и его отца «недорогими князками» [27, с. 60—61].

В 1693 г. боярин Алексей Шеин жаловался, что в доме Петра Шереметева князь Михаил Ромодановский его «бранил... бесчестил всячески», обзывал его прадеда «изменником», а самого боярина «изменничьим внуком», при этом крайне оскорбительно выражался по отношению к матери Шеина, боярыне Авдотье Ивановне Черкасской, «бранил и бесчестил всякими словами». Князь же Михаил Ромодановский жаловался, что сам Шеин «бранил» его «вскою неподобною бранью», бесчестил, называл «малопородным человеком и худым Князишком», а отца величал «неслугою», потому что дед и отец князя Ромодановского «в полковых службах Воеводами не бывали» [38, с. 149—151].

Челобитные на имя царя поступали и от посадского населения. Житель Кадашевской слободы Юшка Федотов сетовал на Кузьму Гаврилова, который пришел незванным на пирушку, бесчестил, «бранил и позорил всякими неподобными словесы» хозяина, его жену, брата и гостей [27, с. 54]. Целая тяжба развернулась между хамовниками (ткачами) Тверской слободы Иваном Степановым и Никитой Квашенниковым. Степанов обвинял Квашенникова и его детей в намеренной потраве огорода, в побоях, грабеже денег и овощей [27, с. 58]. В ответной челобитной Квашенников винил Степанова в нанесении побоев сыну, а также в том, что Иван бранил челобитчика и его жену «матерны и всякою неподобною лаею», а также называл Квашенникова «огурешным и морковным татем» [27, с. 59].

В XVI в. понятие о чести расширяется за счет включения в него представления о незапятнанной репутации. Для государевых служилых людей бесчестящими считались ложные обвинения в злоупотреблении своим положением или вынесении несправедливого решения. Того, кто «солжет» на указанных лиц, Судебник 1550 г. рекомендовал «сверх его вины, казнити торговою казною, бить кнутьем» и кинуть в тюрьму [34, с. 234]. Как считает Н. И. Ланге, выражение «сверх вины» обозначает вину перед обиженным, а именно бесчестье [23, с. 178]. Соборное уложение также взяло под свою защиту репутацию судей, сурово наказывая тех, кто бесчестил их наветами в том, что они судили «по посулам», или безосновательно («не делом») обращался в суд, а получив справедливый отказ, начинал жаловаться на судей царю, ставя под сомнение вынесенное ими решение [52, с. 31—32].

В 1571 г. подьячий Улан Айгустов во время пытки признался, что «доводил» на Василия Щелкалова «многие лихие дела» по наущению князя Михаила Черкасского, за что был приговорен к выплате за бесчестья в пользу Василия Щелкалова 600 рублей [50, стб. 505—506].

Серьезному испытанию подверглась репутация князя Ивана Хованского, о котором служившие приставами в княжеском селе Пестяково, а потом самовольно ушедшие приставы суздальской съезжей избы Яков Мартьянов и Назар Савинов распускали слухи, что князь якобы живет «не по подобью, заутрени велить петь часу въ пятомъ и въ шестомъ дни, а обедни де велить петь въ вечерни», а также самих приставов «не поиль и не кормиль». В защиту княжеской репутации пришлось даже вступиться крепостному человеку князя Григорию Суботину, указавшему в своей явке, что «государь мой заутрени и обедни велить священнику петь, какъ и у прочихъ храмовъ священники служатъ, а ихъ, Якова и Назара, поиль и кормиль» [6, с. 97].

Обращались к государю с просьбой о защите репутации и выполняющие государственные повинности купцы. Так, в 1651 г. можайский купец суконной сотни Григорий Аверкиев бил челом царю на посадского человека Василия Пыпина в том, что он называл его «вором и зерщиком [игроком в кости]» и что, будучи таможенным головой в Можайске, он якобы «шутлом ездил на корове и на медведе, и зернью да на кабаке играл». Аверкиев жаловался, что Пыпин своими словами «ставит» его «шутлом и позорит напрасно», и просил Алексея Михайловича «в том моем безщестышке дат свои царской суд и управу» [27, с. 200].

Большое значение незапятнанная репутация имела и для представителей тяглого населения. Для них она выражалась в понятиях «добрый» или «лихой» человек. В случае обвинения в преступлении репутация могла спасти или, наоборот, погубить своего владельца. Если допрашиваемый кого-либо «взговорит в разбое» на одной или двух пытках, но откажется от своих показаний на очной ставке или «идучи к казни», и при этом во время следствия («в обыску») оговоренного назовут «добрым человеком», его отдавали на поруки поручившихся за него без платы за вред («без вытно»). Если обвиненного в ходе «обыска» «назовут половина добрым человеком, а другая половина лихим человеком», такого подозреваемого подвергали пытке, и, если он при этом ни в чем не сознавался, отдавали на поруки поручившимся за него людям, но «по разбойничьим речем» брали на нем «выть». В случае же когда большая половина «обысканных» людей называли обвиняемого «лихим человеком», и даже если он сам во время пытки «в розбоях не учнет говорить», его сажали в тюрьму «на смерть» (пожизненно), а имущество отдавали истцам «в выти» [3, с. 396—397; 52, с. 121—122; 35 с. 410]. Да и на материальную компенсацию в случае бесчестья мог рассчитывать тот, кого называли «добрым человеком», а «лихие» люди («тати», «разбойники», «зажигальщики») платы за бесчестье не получали [34, с. 421].

Представителей высшего служилого сословия беспокоил вопрос поддержания и защиты родовой чести. Наиболее ярко это проявилось в местнических спорах. Подчинение равным или менее родовитым людям по службе, потеря достойного места за царским столом или во время придворной церемонии — все это отражалось на карьерных перспективах не только самого боярина, но и всего его рода. Подобное понижение статуса расценивалось как оскорбление. При этом обесчещенными себя считали как недовольный назначением, так и боярин, под началом которого он отказывался служить. В 1583 г. в ответ на челобитную Романа Олферьева, посчитавшего «невместной» службу с Петром Головиным, последний, обиженный таким отказом, писал царю: «Жалоба, государь, мне на Романа Васильевича Олферьева; бил челом тебе, государю, Роман на меня в отечестве неподельно, безчестя меня, холопа твоего» [25, с. 7]. Оскорбленным Юрием Пильмовым посчитал себя и князь Федор Лыков. По его мнению, «тем безчестит» его Пильмов, «что бьет челом на меня не по делу, ему мочно меныши меня быти» [51, с. 233]. Еще один Лы-

ков — Борис — посчитал, что князь Дмитрий Пожарский «позорит и безчестит» его тем, что считает себя по статусу равным («в версту») челобитчику [51, с. 267].

В ходе местнических споров, помимо документов, подтверждающих службу предков, бояре использовали так называемые «генеалогические пасквили». Они могли содержать как реальные факты, так и сплетню или анекдот, которые можно было использовать для подрыва положения соперничающего рода [59, с. 86]. Уже упоминавшийся Роман Олферьев утверждал, что это не он Петра Головина «безчествует», а Петр на него «взводит», называя «приказщиковым сыном», утверждая, что в «холопех будто родство наше бывало», поэтому, пишет Олферьев, «мне на Петра бити челом государю о безчестье» [25, с. 8, 10—11].

Весьма активно в местнической борьбе участвовали князья Ромодановские. В 1650—1651 гг. развернулось ожесточенное противостояние между ними и родом Бутурлиных. В апреле 1650 г. на именинах царицы Марии Ильиничны окольный князь Иван Ромодановский посчитал «невместным» для себя сидеть ниже окольного Василия Бутурлина. И несмотря на то что Алексей Михайлович в этом вопросе чести встал на сторону Бутурлина, Иван Ромодановский опять отказался сидеть ниже Василия Бутурлина уже за столом у патриарха. Даже после приказа царя посадить Ромодановского под Бутурлиными «князь Иван с скамьи упал», после чего «его подняли, и велели посадить под Васильем Бутурлиным, и его держали на руках за столом». И если за первый случай Иван Ромодановский был посажен в тюрьму на два дня, то за повторное неповиновение Алексей Михайлович подверг его унижительному для бояр наказанию — выдаче головой [36, с. 225]. В 1651 г. попытка младшего брата Ивана Ромодановского, Василия, местничаться с Василием Бутурлиным также закончилась неудачей и выплатой «денежного безчестья 350 рублей» [36, с. 252—253].

Иногда в своих местнических спорах бояре заходили настолько далеко, что отказывались выполнять прямые приказы царя, за что сурово наказывались. В 1649 г. Михаил Плещеев отказался быть в рындах вместе с князем Василием Хилковым и не явился на царскую аудиенцию, назначенную голландскому послу и крымским посланникам, за что был бит кнутом [36, с. 163]. А князь Алексей Лыков, недовольный назначением в рынды вместе с князем Алексеем Буйносовым-Ростовским, хоть и явился на прием, назначенный посланнику польского короля Яна Казимира, но «топора (церемониальное оружие рынды. — С. О.) не взял и топор из рук уронил». За этот проступок был бит батогами [36, с. 225—226].

Еще более оскорбительными для знатных бояр были случаи, когда местничаться с ними пытались неродословные люди. Позволившим себе такую дерзость Ивану и Семёну Камыниным, которые в феврале 1653 г. вступили в местнический спор с окольным Никифором Собакиным по поводу совместной службы в судном московском приказе, местничаться было запрещено, так как «неродословному человеку с родословным николи счету нет», а Ивана Камынина «за безчестье Окольного Никифора Сергеевича Собакина» было приказано «послать в тюрьму» [36, с. 282—283].

Оскорбительными считали бояре ошибки, сделанные при написании имени или отчества. В 1615 г. воевода князь Волконский в письме воеводе Чихаеву пенял ему, что отчества его не знает: «Да пишешь ко мне, Петр Иванович, в ссыльных грамотах, а в государеве деле “Ивановичем”, а ты Иванович а яз “Ондреевич”, и то промеж нас ссора, отца моего имени не ведаешь» [4, с. 98]. Бесчестьем считали бояре и неправильное написание отдельных букв в имени. Только в 1675 г. подобные ошибки в имени или прозвище перестали рассматриваться как оскорбление. Бесчестье «правилось» лишь в случае, если «кто кого браня, назовет Князем без имени» [36, с. 1000]. В 1690 г. уточнялось, что ошиб-

ки, допущенные при написании чести, чина, имени, отчества или прозвания, сделанные ненамеренно («безхитростно»), тем более, если совершивший оплошность покаянется в этом, не имели правовых последствий. Но если же «кто в каком-нибудь письме или в советной грамотке, хотя кого обезчестить, напишет кому какая безчестные слова нарочно...», в таком случае суды должны «безчестье указывать по Уложению, чтоб никто никого напрасно не безчестил» [38, с. 66].

Чувствительными к местническим обидам были и представители духовенства. В челобитной на имя царя Федора Ивановича епископ Рязанский и Муромский Леонид жаловался на архиепископа Ростовского Евфимия, что на царском обеде «на Рождество Христова» Евфимий «позоровал» Леонида тем, что «съ собою ести съ блюда не далъ». Хотя, как вспоминал епископ, в период правления Ивана IV, он «едал со Архиепископомъ съ Новгородскимъ съ одного блюда». Как и в местнических спорах бояр, не обошлось здесь и без словесного оскорбления. Леонид посчитал обесчещенным себя и всех иосифлян словами Евфимия, назвавшего «насъ, богомолцовъ твоихъ, Осифовских пострижеников... не Осифовляны, но жидовляны» [1, с. 410].

Выделяя преступления против чести, законодательство устанавливало и ответственность за их совершение. Уже в «Русской Правде», размещенной в «Мериле праведном», мы сталкиваемся с дифференциацией наказания за бесчестье в зависимости от социальной принадлежности пострадавшего. В статье «О мужи кроваве» говорилось, что в случае, если «пхнеть муж мужа любо к себе любо от себя, ли по лицу ударить, или жрьдию ударить», бесчестье выплачивается «болярину великих боляр или менших боляр», «людину городскому» или «селянину» «по его пути», т.е. социальному положению [31, с. 210—211].

Еще подробнее статусный подход в определении ответственности просматривается в памятнике конца XIV — начала XV в. «Правосудие митрополичие». В нем указывалось, что за «безчестье» великого князя виновного казнили («главу снять»), а за преступления против чести других представителей русского общества («а меньшему князю, ли сельскому, ли тысячником, ли околичником, ли боарину, ли слуге, ли игумену, ли попу, ли дьякону») наказание устанавливалось в соответствии с положением и службой («по житью, по службе безчестье судят») [33, с. 426].

Судебник 1550 г. окончательно закрепляет принцип, по которому степень ответственности определялась не только нанесенным вредом («по увечью и по безчестью»), но и статусом пострадавшего [34, с. 239]. В статье 26 Судебника 1550 г. и в статьях 41—72 Судебника 1589 г. содержится подробный перечень лиц, принадлежащих к разным социальным группам, и указываются размеры штрафов за бесчестье и способы их наложения [34, с. 239, 419—421]. Б. Н. Флоря отмечает значительный разрыв между оценкой чести крестьянина и дворянина. «Честь» сына боярского I статьи оценивалась в 100 раз выше, чем «честь» крестьянина или «молодшего» посадского человека [57, с. 8].

Соборное уложение 1649 года и последующие нормативно-правовые акты второй половины XVII в. фактически подвели черту под формированием правовой основы защиты чести в России. Теперь форма ответственности и суровость наказания зависели не только от тяжести бесчестья, но и от социального статуса как нарушителя закона, так и потерпевшего, а также, на что указывает Б. Н. Флоря, от характера службы пострадавшего и ее значимости для государственной власти [57, с. 14]. Новым для русского законодательства стало то, что, помимо сформировавшейся еще со времен «Русской Правды» системы штрафов и выплат за бесчестье, были введены новые виды ответственности: смертная казнь, торговая казнь, членовредительские наказания, тюремное заключение, битье батогами и кнутом.

На вершущке общественной пирамиды традиционно стояло духовенство. Именно защите его чести посвящена значительная часть статей Соборного уложения. К привилегированной части клира относились церковные иерархи: патриарх, митрополит, архиепископ, епископ. Наказание за оскорбление представителей высшего духовенства зависело от статуса обидчика. Так, бояре, окольничие или думные люди за бесчестящие патриарха слова отсылались к нему «головою». А за оскорбление словом митрополита, архиепископа и епископа платили штраф за бесчестье 400, 300 и 200 рублей соответственно чину. Остальные представители служилого сословия приговаривались за оскорбление патриарха к битью батогами; за оскорбление митрополита, епископа и архиепископа — к тюремному заключению. Люди, не относящиеся к служилому сословию, за аналогичные действия против патриарха приговаривались к торговой казни и месячному заключению в тюрьме, за оскорбление иных иерархов — к битью батогами и тюремному заключению от 3 (за епископа и архиепископа) до 4 дней (за митрополита) [52, с. 34]. Отягчающим обстоятельством считались «непристойные речи» в адрес священнического чина в церкви «во время святых Литургий и в иное церковное пение». За подобную демонстрацию неуважения не столько к духовенству, сколько к богослужению, представители всех сословий наказывались торговой казнью [52, с. 19].

Следующими по важности были архимандриты, игумены, их ближайшие помощники — келарь и казначей, представлявшие самые значимые монастыри, входившие в «Лествицу властей» патриарха Иоасафа. В статьях 32—80 главы X Соборного уложения они расположены в соответствии с иерархией, на основе которой определялось и наказание за оскорбление. Если первый в этом списке архимандрит Троице-Сергиева монастыря за бесчестье получал 100 рублей, его келарь — 80 рублей, казначей — 70 рублей, то игумен последнего Воздвиженского монастыря на Арбате получал 15 рублей, келарь — 10 рублей, а казначей — 7 рублей. Иерархи монастырей, не вошедших в «лествицу», получали за бесчестье и того меньше: игумен — 8 рублей, келарь и казначей — по 6 рублей, рядовым же старцам платили бесчестье «по пяти рублев» [52, с. 34—36]. Такая же дифференциация в выплатах за бесчестье была установлена и для приходского духовенства с учетом статуса храма и обязанностей священника. Протопоп главного московского храма Успенского собора получал за бесчестье 50 рублей, а протопопу чуть менее значимого Благовещенского собора выплачивалось 100 рублей, так как он выполнял функции государева духовника. Представителям клира приходских церквей назначали за бесчестье «против их окладов», выплачиваемых из жалованных царем средств («денежной руги»). Если же духовенство городских храмов денежной руги не имело, то размер возмещения за бесчестье равнялся половине той суммы, которую выплачивали в аналогичной ситуации священникам, получавшим ругу. Меньше всего давали за оскорбление уездным и безместным попам — 5 рублей [52, с. 37].

Вслед за духовенством Соборное уложение выделяло служилое сословие. По своему социальному положению служилые люди были разделены на две категории — думные чины (бояре, окольничие, думные люди) и все остальные, «которые Государевым денежным жалованьем верстаны». Соборное уложение рассматривает ситуации, связанные с бесчестящими действиями как со стороны равных по статусу, так и находящихся на разных ступенях социальной лестницы. «Непригожие» слова, сказанные в ссоре между боярами, окольничими и думными людьми, наказывались по «Государеву указу». В случае, если думный чин сталкивался с бесчестьем со стороны других представителей дворянства или со стороны духовенства, «правилось бесчестье» в соответствии с их окладами [52, с. 37].

Б. Н. Флоря указывает, что в 1667 г. при получении боярского чина оклад составлял 400 или 500 рублей, но в дальнейшем мог существенно увеличиться. Например, оклад князя Ю. Н. Долгорукого составлял 920 рублей. К 1676 г. размеры боярских окладов еще выросли [57, с. 10]. Поэтому неудивительно, что не каждый служилый человек был в состоянии выплатить такую сумму. В случае, если дворянину «за безчестие платить будет нечем», он приговаривался к битью кнутом.

Бесчестие бояр, окольных и думных людей со стороны остальных представителей русского общества наказывалось битьем кнутом и двухнедельным тюремным заключением. Бесчестящие действия этих категорий населения по отношению ко всем остальным представителям служилого сословия, «Государевым денежным жалованьем верстанным», наказывались штрафом в размере этого жалованья [52, с. 37]. Как указывает Б. Н. Флоря, жалованье низов дворянского сословия — городских детей боярских — не превышало 14 рублей, а иногда было и ниже [57, с. 10].

Отягчающим обстоятельством являлось нанесение оскорбления на государевом дворе. В данном случае слова и действия виновного бесчестили не только тех, против кого были направлены, но и самого царя. Поэтому того, «кто при Царском Величестве, в Его Государеве дворе, и в Его Государских палатах, не опасая чести Царскаго Величества, кого обезчестит словом», помимо выплаты «безчестья» потерпевшему приговаривался к тюремному заключению на 2 недели [52, с. 21—22]. В 1684 г. Иван Васильевич Дашков Меньшой за то, что у «Их Государевых хором говорил невежливые слова», которые и в «простых домах... говорить непристойно», был приговорен к тюремному заключению и битью батогами «нещадно». Позднее «Великие Государи... на милость положили, батоги бить... не велели» [37, с. 643].

Если же виновник потерпевшего «задерет, и с дерзости ударит рукою», то срок заключения увеличивался до месяца, а «будет кого он ударит до крови... безчестие доправить вдвое» и посадить в тюрьму на 6 недель. Еще строже каралось оскорбление, нанесенное оружием. Угроза оружием «не при Государе» наказывалась трехмесячным тюремным заключением, в случае ранения платилось «безчестие» в размере двойного оклада пострадавшего. Дальнейшее наказание зависело от последствий ранения: «А будет раненой обможеться», виновному отсекали руку, а если раненый умирал — казнили. Угроза оружием в присутствии царя сразу наказывалась отсечением руки. В случае же нанесения ранения, независимо от того, умрет пострадавший или выживет, виновник приговаривался к смертной казни [52, с. 22].

В качестве отягчающего обстоятельства рассматривалось совершение бесчестящих действий в ходе судебного процесса. Бранные слова в данном случае расценивались не только как оскорбление одного из участников процесса, но и как «судейское безчестие», что наказывалось недельным тюремным заключением. Двойным штрафом карался тот, кто перед судьями своего оппонента «рукой зашибет, а не ранит». Того, кто замахивался оружием, наказывали битьем батогами, в случае ранения потерпевшего — кнутом. Если пострадавший умирал от ранений, виновника казнили «безо всякие пощады» [52, с. 38—39].

Устанавливалась ответственность и за оскорбление судей. Бесчестие «непригожим словом» наказывалось штрафом, а также битьем кнутом или батогами. В случае, если кто «судью чем зашибет, или ранит», виновнику отсекали руку, «да на нем же велеть судье за раны и за безчестие доправить вдвое». За убийство судьи приговаривали к смертной казни [52, с. 39].

Соборное уложение содержит и нормы ответственности за оскорбление посадского населения и крестьян. Сумма денежных выплат устанавливалась также в соответствии

с социальным положением потерпевших. Наибольшую выплату получали «именитые люди Строгановы» — 100 руб., гости — 50 руб., представители гостинной сотни, в зависимости от статьи, — 25—10 руб., суконной — 15—5 руб., жители «казенной слободы» — 5 руб., «черных сотен и слобод и посадским тяглым» людям полагалось 7—5 руб., «ямским охотникам» — 5 руб., «дворцовых сел и черных волостей Государевым крестьяном» — по рублю [52, с. 37].

Сурово, и не только штрафом, наказывалось бесчестье, сопряженное с физическим насилием. Если «за бой и безчестье» без увечья государственных крестьян штраф составлял 2 руб., то в случае, если «будет кто... учнет бити, и бьючи изувечит, глаз выколит, или руку, или ногу переломит, или иное какое увечье учинит», сумма выплат увеличивалась до 10 руб. [52, с. 37—38]. За битие «ослопом, или кнутом, или батогом» приговаривали к битью кнутом «по торгом» и месячному тюремному заключению [52, с. 180]. Намеренная травля собакой наказывалась штрафом за «безчестье и увечье и убытки» в двойном размере [52, с. 63]. Но за «мучительское наругательство», в ходе которого преступник пострадавшему «отсечет руку, или ногу, или нос, или ухо, или губы обрежет, или глаз выколлет», виновный за каждую отсеченную часть тела платил компенсацию в размере 50 руб. [52, с. 180]. В случае, когда подобное надругательство совершается «скопом», то, помимо выплат «за безчестье и увечье» в двойном размере, один из преступников приговаривался к отсечению руки, а его товарищи к битью кнутом [52, с. 53].

Заключение

Таким образом, изначально в основе представлений о мужской чести в Древней Руси лежал социальный фактор. Произведения религиозной и светской литературы, обращаясь к вопросу чести, на первое место ставили уважительное отношение к общественному положению человека, его происхождению, должности. Правовые памятники особое внимание уделяли защите чести людей как носителей определенного социального статуса. Даже ответственность за преступления против чести со времен «Русской Правды» носила дифференцированный характер. И если сначала тяжесть наказания зависела от социального статуса только пострадавшего, то в последующей законодательной практике наказание за бесчестье устанавливалось в зависимости от социального положения как пострадавшего, так и виновника.

Однако уже в древнерусский период начинает формироваться не только уважение к социальному статусу, но и к личному достоинству человека. Авторы религиозных и литературных произведений, размышляя о проблемах чести, указывали в том числе на ее морально-нравственную составляющую: соответствие поступков человека христианским добродетелям, достойное поведение в семье и обществе. Государство признавало право на защиту чести за представителями всех социальных групп древнерусского общества, предоставляя такую возможность даже иностранцам.

Расширился перечень бесчестящих действий, на которые могли жаловаться люди независимо от своего социального статуса. К ним относилось как физическое насилие, связанное с нанесением увечий, так и действия, наносящие не столько телесные травмы, сколько душевные: например, вырывание бороды, усов, волос и пр. В перечень бесчестящих действий вошли словесные оскорбления, клевета, подрыв репутации. Обилие челобитных от пострадавших, принадлежавших к разным социальным группам, которые содержат жалобы на бесчестящие слова и действия, сохранившиеся судебные документы, рассматривающие подобного рода преступления, — все это свидетельствует о том, что люди осознавали оскорбительность определенных поступков по отношению к себе, независимо от своего социального положения, и готовы были активно защищать свои честь и достоинство.

Список источников

1. Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. 1. 1334—1598. СПб. : В тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1841. 551 с.
2. Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. 4. 1645—1676. СПб. : В тип. 2-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1842. 438 с.
3. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею императорской академии наук. Т. 1. 1294—1598. СПб. : В Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1838. 491 с.
4. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею императорской академии наук. Т. 3. 1615—1645. СПб. : В Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. 496 с.
5. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею императорской академии наук. Т. 4. 1645—1700. СПб. : В Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. 500 с.
6. Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. Изданы Археографическою комиссиею. СПб. : В тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1838. 465 с.
7. Байбурин А. К. Пояс (к семиотике вещей) // Сборник музея антропологии и этнографии. СПб. : Наука, 1992. Т. 45. С. 5—13.
8. Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М. : Типо-лит. С. А. Петровского и Н. П. Панина, 1879. 728 с.
9. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2. XI—XII века / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб. : Наука, 1999. 555 с.
10. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 3. XI—XII века / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб. : Наука, 2004. 411 с.
11. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII век / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб. : Наука, 1997. 685 с.
12. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. XIII век / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб. : Наука, 1997. 526 с.
13. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. XVI век / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб. : Наука, 2000. 617 с.
14. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 15. XVII век / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, Н. В. Поньрко. СПб. : Наука, 2006. 530 с.
15. Бобровский П. О. Преступления против чести по русским законам до начала XVIII в. Историко-правовое исследование. СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1889. 120 с.
16. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
17. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М. : Издат. дом «Территория будущего», 2005. 800 с.
18. Даль В. Пословицы русского народа. М. : Университетская типография, 1862. 1095 с.
19. Домострой Сильвестровского извода. СПб. : Тип. Глазунова, 1891. 132 с.
20. Духовский М. В. Понятие клеветы как преступления против чести частных лиц по русскому праву. Ярославль : Тип. Губ. земск. управы, 1873. 255 с.
21. Зимин А. А. О статье Ю. Лотмана «Об оппозиции честь — слава в светских текстах Киевского периода» // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 284. Труды по знаковой системе. Тарту, 1971. Т. 5. С. 464—468.
22. Коллманн Н. Ш. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени. М. : Древлехранилище, 2001. 459 с.
23. Ланге Н. И. О наказаниях и взысканиях за бесчестье по древнему русскому праву // Журнал Министерства народного просвещения. 1859. Т. 102. С. 161—224.
24. Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л. : Художественная литература, 1978. 360 с.
25. Лихачев Н. П. Местнические дела 1563—1605 гг. СПб. : [б. и.], 1894. 91 с.
26. Лотман Ю. М. Об оппозиции «честь» — «слава» в светских текстах киевского периода // Избранные статьи : в 3 т. Таллин : Александра, 1993. Т. 3. С. 111—120.
27. Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / изд. подг. С. И. Котов, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М. : Наука, 1968. 327 с.
28. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М. : Русский язык, 1990. 921 с.

29. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб. : Издание А. С. Суворина, 1906. 582 с.
30. Омелянчук С. В. О чести и бесчестии женщины в Древней Руси // Вестник МГПУ. Сер. Исторические науки. 2022. № 2 (46). С. 7—23. DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.46.2.01.
31. Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства X—XII вв. / сост. А. А. Зимин. М. : Гос. изд-во юрид. литературы, 1952. 287 с.
32. Памятники русского права. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII—XV вв. / сост. А. А. Зимин ; под ред. С. В. Юшкова. М. : Гос. изд-во юрид. литературы, 1953. 442 с.
33. Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования русского централизованного государства. XIV—XV вв. / под ред. Л. В. Черепнина. М. : Гос. изд-во юрид. литературы, 1955. 527 с.
34. Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления русского централизованного государства. XV—XVII вв. / под ред. Л. В. Черепнина. М. : Гос. изд-во юрид. литературы, 1956. 632 с.
35. Памятники русского права. Вып. 7. Памятники права периода создания абсолютной монархии / под ред. Л. В. Черепнина. М. : Гос. изд-во юрид. литературы, 1963. 510 с.
36. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 1. С 1649 по 1675. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. 1029 с.
37. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 2. 1676—1688. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. 974 с.
38. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 3. 1689—1699. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. 690 с.
39. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1846. 267 с.
40. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1845. 379 с.
41. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. Т. 12. Летописный сборник, именуемый патриаршею или никоновской летописью. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1901. 266 с.
42. Правда Русская. Т. 2 / под ред. Б. Грекова. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1947. 862 с.
43. Российское законодательство X—XX веков : в 9 т. Т. 1. Законодательство древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. М. : Юрид. литература, 1984. 430 с.
44. Рудковская М. М. Драгоценные пояса в системе регалий княжеской власти в средневековой Руси // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер. Исторические науки. История России. 2012. № 4 (84). С. 11—19.
45. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб. : Тип. бр. Пантелеевых, 1875. 1228 стб.
46. Русская историческая библиотека. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1 (памятники XI—XV вв.). СПб. : Тип. Императорской академии наук, 1880. 930 стб.
47. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 12. Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 1. 1500—1699 гг. СПб. : Тип. Ф. Елеонского и Ко, 1890. 1480 стб.
48. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 14. Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 2. СПб. : Тип. А. Катанского и Ко, 1894. 1286 стб.
49. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 25. Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. 3. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908. 762 стб.
50. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 32. Архив П. М. Строева. Т. 1. СПб. : Тип. Главного управления уделов, 1915. 824 стб.
51. Русский исторический сборник, издаваемый обществом истории и древностей российских / ред. проф. Погодин. Т. 2. Кн. 1—4. М. : Университетская типография, 1838. 405 с.
52. Соборное уложение 1649 года. Текст, комментарии. Л. : Наука, 1987. 448 с.
53. Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб. : Тип. Императорской академии наук, 1912. 1684, 272 стб., 13 с.
54. Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М. : Русский язык, 1994. 842 с.
55. Стефанович П. С. Древнерусское понятие чести по памятникам литературы домонгольской Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 2 (16). С. 63—87.
56. Тихонова В. Б. К вопросу о понятии чести в ментальности русских помещиков XVII в. // Genesis: исторические исследования. 2021. № 9. С. 89—120. DOI: 10.25136/2409-868X.2021.9.36320.

57. Флоря Б. Н. Оценки возмещения за оскорбление дворянской «чести» и «чести» представителей других сословий в памятниках русского законодательства XVI—XVII веков // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 4 (70). С. 5—16.

58. Черная Л. А. «Честь»: представления о чести и бесчестии в русской литературе XI—XVII веков // Древнерусская литература: Изображение общества. М. : Наука, 1991. С. 56—84.

59. Эскин Ю. М. Очерки истории местничества в России XVI—XVII вв. М. : Квадрига, 2009. 512 с.

60. Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997—2000 гг.). Т. 11. М. : Русские словари, 2004. 287 с.

References

1. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye arkheograficheskoyu kommissieyu. T. 1. 1334—1598* [Historical acts, collected and published by the archaeographic commission. Vol. 1. 1334—1598]. St. Petersburg, V tip. Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag Publ., 1841. 551 p. (In Russian)
2. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye arkheograficheskoyu kommissieyu. T. 4. 1645—1676* [Historical acts, collected and published by the archaeographic commission. Vol. 4. 1645—1676]. St. Petersburg, V tip. 2-go Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii Publ., 1842. 438 p. (In Russian)
3. *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiiskoi imperii arkheograficheskoyu ekspeditsieyu imperatorskoi akademii nauk. T. 1. 1294—1598* [Documents collected from libraries and archives of the Russian Empire by the archaeographic expedition of the Imperial Academy of Sciences. Vol. 1. 1294—1598]. St. Petersburg, V Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii Publ., 1838. 491 p. (In Russian)
4. *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiiskoi imperii arkheograficheskoyu ekspeditsieyu imperatorskoi akademii nauk. T. 3. 1615—1645* [Documents collected from libraries and archives of the Russian Empire by the archaeographic expedition of the Imperial Academy of Sciences. Vol. 3. 1615—1645]. St. Petersburg, V Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii Publ., 1836. 496 p. (In Russian)
5. *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiiskoi imperii arkheograficheskoyu ekspeditsieyu imperatorskoi akademii nauk. T. 4. 1645—1700* [Acts collected from libraries and archives of the Russian Empire by the archaeographic expedition of the Imperial Academy of Sciences. Vol. 4. 1645—1700]. St. Petersburg, V Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii Publ., 1836. 500 p. (In Russian)
6. *Akty yuridicheskie, ili Sbornik form starinnago deloproizvodstva. Izdany Arkheograficheskoyu kommissieyu* [Legal acts, or a collection of forms of ancient office work. Published by the Archaeographic Commission]. St. Petersburg, V tip. II Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii Publ., 1838. 465 p. (In Russian)
7. Baiburin A. K. Poyas (k semiotike veshchei) [Belt (on the semiotics of things)]. *Sbornik muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992, vol. 45, pp. 5—13. (In Russian)
8. Belyaev I. D. *Lektsii po istorii russkogo zakonodatel'stva* [Lectures on the history of Russian legislation]. Moscow, Tipo-lit. S. A. Petrovskogo i N. P. Panina Publ., 1879. 728 p. (In Russian)
9. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi. T. 2. XI—XII veka* [Library of Ancient Rus literature. Vol. 2. 11—12th centuries]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999. 555 p. (In Russian)
10. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi. T. 3. XI—XII veka* [Library of Ancient Rus literature. Vol. 3. 11—12th centuries]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004. 411 p. (In Russian)
11. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi. T. 4. XII vek* [Library of Ancient Rus literature. Vol. 4. 12th century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997. 685 p. (In Russian)
12. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi. T. 5. XIII vek* [Library of Ancient Rus literature. Vol. 5. 13th century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997. 526 p. (In Russian)
13. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi. T. 10. XVI vek* [Library of Ancient Rus literature. Vol. 10. 16th century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000. 617 p. (In Russian)
14. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi. T. 15. XVII vek* [Library of Ancient Rus literature. Vol. 15. 17th century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006. 530 p. (In Russian)
15. Bobrovskii P. O. *Prestupleniya protiv chesti po russkim zakonam do nachala XVIII v. Istoriko-pravovoe issledovanie* [Crimes against honor under Russian law before the beginning of the 18th century. Historical and legal research]. St. Petersburg, Tip. Pravitel'stvuyushchego Senata Publ., 1889. 120 p. (In Russian)
16. Kuznetsov S. A., comp. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The comprehensive explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p. (In Russian)
17. Vladimirkii-Budanov M. F. *Obzor istorii russkogo prava* [Review of the history of Russian law]. Moscow, Izdat. dom "Territoriya budushchego" Publ., 2005. 800 p. (In Russian)
18. Dal' V. *Posloviitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1862. 1095 p. (In Russian)

19. *Domostroi Sil'vestrovskogo izvoda* [Sylvester's patriarchal house rules]. St. Petersburg, Tip. Glazunova Publ., 1891. 132 p. (In Russian)
20. Dukhovskii M. V. *Ponyatie klevety kak prestupleniya protiv chesti chastnykh lits po russkomu pravu* [The concept of slander as a crime against the honor of individuals under Russian law]. Yaroslavl, Tip. Gub. zemsk. upravy Publ., 1873. 255 p. (In Russian)
21. Zimin A. A. O stat'e Yu. Lotmana "Ob oppozitsii chesht' — slava v svetskikh tekstakh Kievskogo perioda" [On Yu. Lotman's article "On the honor-glory opposition in secular texts of the Kievan period"]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 284. Trudy po znakovoi sisteme* [Scientific notes of Tartu State University. Iss. 284. Works on the sign system]. Tartu, 1971, vol. 5, pp. 464—468. (In Russian)
22. Kollmann N. Sh. *Soedinennye chesht'yu. Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii rannego novogo vremeni* [United by honor. State and society in early modern Russia]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2001. 459 p. (In Russian)
23. Lange N. I. O nakazaniyakh i vzyiskaniyakh za beschest'e po drevnemu russkomu pravu [On punishments and penalties for dishonor under ancient Russian law]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the ministry of public education]. 1859, vol. 102, pp. 161—224. (In Russian)
24. Likhachev D. S. "Slovo o polku Igoreve" i kul'tura ego vremeni ["The Tale of Igor's campaign" and the culture of its time]. Leningrad, Khudozhestvennaya literature Publ., 1978. 360 p. (In Russian)
25. Likhachev N. P. *Mestnicheskie dela 1563—1605 gg.* [Local affairs 1563—1605]. St. Petersburg, 1894. 91 p. (In Russian)
26. Lotman Yu. M. Ob oppozitsii "chesht'" — "slava" v svetskikh tekstakh kievskogo perioda [On the opposition "honor" — "glory" in secular texts of the Kievan period]. *Izbrannye stat'i: v 3 t.* [Selected articles. In 3 vols.]. Tallinn, Aleksandra Publ., 1993, vol. 3, pp. 111—120. (In Russian)
27. *Moskovskaya delovaya i bytovaya pis'mennost' XVII v.* [Moscow business and everyday literature of the 17th century]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 327 p. (In Russian)
28. Ozhegov S. I. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1990. 921 p. (In Russian)
29. Olearii A. *Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno* [Description of a journey to Muscovy and through Muscovy to Persia and back]. St. Petersburg, Izdanie A. S. Suvorina Publ., 1906. 582 p. (In Russian)
30. Omel'yanchuk S. V. O chesti i beschestii zhenshchiny v Drevnei Rusi [On the honor and dishonor of a woman in Ancient Russia]. *Vestnik MGPU. Ser. Istoricheskie nauki — MCU Journal of Historical Studies*, 2022, no. 2 (46), pp. 7—23. DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.46.2.01. (In Russian)
31. *Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 1. Pamyatniki prava Kievskogo gosudarstva X—XII vv.* [Monuments of Russian Law. Vol. 1. Legal monuments of the Kievan state, 10—12th centuries]. Moscow, Gos. izd-vo yurid. literatury Publ., 1952. 287 p. (In Russian)
32. Zimin A. A. (comp.) *Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 2. Pamyatniki prava feodal'no-razdroblennoi Rusi. XII—XV vv.* [Monuments of Russian law. Vol. 2. Legal monuments of feudal-fragmented Rus, 12—15th centuries]. Moscow, Gos. izd-vo yurid. literatury Publ., 1953. 442 p. (In Russian)
33. *Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 3. Pamyatniki prava perioda obrazovaniya russkogo tsentralizovannogo gosudarstva. XIV—XV vv.* [Monuments of Russian law. Vol. 3. Legal monuments of the period of the formation of the Russian centralized state. 14—15th centuries]. Moscow, Gos. izd-vo yurid. literatury Publ., 1955. 527 p. (In Russian)
34. *Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 4. Pamyatniki prava perioda ukrepleniya russkogo tsentralizovannogo gosudarstva. XV—XVII vv.* [Monuments of Russian law. Vol. 4. Legal monuments of the period of the strengthening of the Russian centralized state. 15—17th centuries]. Moscow, Gos. izd-vo yurid. literatury Publ., 1956. 632 p. (In Russian)
35. *Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 7. Pamyatniki prava perioda sozdaniya absolyutnoi monarkhii* [Monuments of Russian law. Vol. 7. Monuments of law from the period of the establishment of the Absolute Monarchy]. Moscow, Gos. izd-vo yurid. literatury Publ., 1963. 510 p. (In Russian)
36. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 1. T. 1. S 1649 po 1675* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Coll. 1. Vol. 1. From 1649 to 1675]. St. Petersburg, Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii Publ., 1830. 1029 p. (In Russian)
37. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 1. T. 2. 1676—1688* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Coll. 1. Vol. 2. 1676—1688]. St. Petersburg, Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii Publ., 1830. 974 p. (In Russian)
38. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 1. T. 3. 1689—1699* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Coll. 1. Vol. 3. 1689—1699]. St. Petersburg, Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii Publ., 1830. 690 p. (In Russian)

39. *Polnoe sobranie russkikh letopisei, izdannoe po vysochaishemu poveleniyu Arkheograficheskoyu kommissieyu. T. 1. Lavrent'evskaya i Troitskaya letopisi* [The Complete collection of Russian chronicles, published by imperial command by the archaeographic commission. Vol. 1. Laurentian and Trinity chronicles]. St. Petersburg, Tip. Eduarda Pratsa Publ., 1846. 267 p. (In Russian)
40. *Polnoe sobranie russkikh letopisei, izdannoe po vysochaishemu poveleniyu Arkheograficheskoyu kommissieyu. T. 2. Ipatievskaya letopis'* [The Complete collection of Russian chronicles, published by imperial command by the archaeographic commission. Vol. 2. Hypatian chronicle]. St. Petersburg, Tip. Eduarda Pratsa Publ., 1845. 379 p. (In Russian)
41. *Polnoe sobranie russkikh letopisei, izdannoe po vysochaishemu poveleniyu Arkheograficheskoyu kommissieyu. T. 12. Letopisnyi sbornik, imenuemyi patriarsheyu ili nikonovskoi letopis'yu* [The Complete collection of Russian chronicles, published by imperial order by the archaeographic commission. Vol. 12. The Chronicle collection, also known as the Patriarchal or Nikon chronicle]. St. Petersburg, Tip. I. N. Skorokhodova Publ., 1901. 266 p. (In Russian)
42. *Pravda Russkaya. T. 2* [The Russian Truth. Vol. 2]. Moscow, Leningrad, Akademia nauk SSSR Publ., 1947. 862 p. (In Russian)
43. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X—XX vekov: v 9 t. T. 1. Zakonodatel'stvo drevnei Rusi* [Russian legislation of the 10—20th centuries. In 9 vols. Vol. 1. Legislation of Ancient Rus]. Moscow, Yurid. literatura Publ., 1984. 430 p. (In Russian)
44. Rudkovskaya M. M. Dragotsennyye poyasa v sisteme regalii knyazheskoi vlasti v srednevekovoi Rusi [Precious belts in the system of regalia of princely power in Medieval Rus]. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki. Istoriya Rossii*, 2012, no. 4 (84), pp. 11—19. (In Russian)
45. *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoyu kommissieyu. T. 2* [Russian historical library, published by the archaeographic commission. Vol. 2]. St. Petersburg, Tip. br. Panteleevykh Publ., 1875. 1228 col. (In Russian)
46. *Russkaya istoricheskaya biblioteka. T. 6. Pamyatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava. Ch. 1 (pamyatniki XI—XV vv.)* [Russian historical library. Vol. 6. Monuments of old Russian canon law. Part 1 (monuments of the 11—15th centuries)]. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoi akademii nauk Publ., 1880. 930 col. (In Russian)
47. *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoyu kommissieyu. T. 12. Akty Kholmogorskoi i Ustyuzhskoi eparkhii. Ch. 1. 1500—1699 gg.* [Russian historical library, published by the archaeographic commission. Vol. 12. Acts of the Kholmogory and Ustyug dioceses. Part 1. 1500—1699]. St. Petersburg, Tip. F. Eleonskogo i Ko Publ., 1890. 1480 col. (In Russian)
48. *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoyu kommissieyu. T. 14. Akty Kholmogorskoi i Ustyuzhskoi eparkhii. Ch. 2* [Russian historical library, published by the archaeographic commission. Vol. 14. Acts of the Kholmogory and Ustyug dioceses. Part 2]. St. Petersburg, Tip. A. Katanskago i Ko Publ., 1894. 1286 col. (In Russian)
49. *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoyu kommissieyu. T. 25. Akty Kholmogorskoi i Ustyuzhskoi eparkhii. Kn. 3* [Russian historical library, published by the archaeographic commission. Vol. 25. Acts of the Kholmogory and Ustyug dioceses. Book 3]. St. Petersburg, Tip. M. A. Aleksandrova Publ., 1908. 762 col. (In Russian)
50. *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoyu kommissieyu. T. 32. Arkhiv P. M. Stroeve. T. 1* [Russian historical library, published by the archaeographic commission. Vol. 32. P. M. Stroeve's archive. Vol. 1]. St. Petersburg, Tip. Glavnogo upravleniya udelov Publ., 1915. 824 col. (In Russian)
51. *Russkii istoricheskii sbornik, izdavaemyi obshchestvom istorii i drevnostei rossiiskikh. T. 2. Kn. 1—4* [Russian historical collection, published by the society of Russian history and antiquities. Vol. 2. Books 1—4]. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1838. 405 p. (In Russian)
52. *Sobornoe ulozhenie 1649 goda. Tekst, kommentarii* [Cathedral code of 1649. Text and commentary]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 448 p. (In Russian)
53. Sreznevskii I. I. *Materialy dlya Slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam. T. 3* [Materials for the dictionary of the old Russian language based on written monuments. Vol. 3]. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoi akademii nauk Publ., 1912. 1684, 272 stb., 13 s. (In Russian)
54. *Staroslavjanskii slovar' (po rukopisyam X—XI vekov)* [Old Slavonic dictionary (Based on manuscripts of the 10—11th centuries)]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1994. 842 p. (In Russian)
55. Stefanovich P. S. Drevnerusskoe ponyatie chesti po pamyatnikam literatury domongol'skoi Rusi [The old Russian concept of honor according to literary monuments of pre-Mongol Russia]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, 2004, no. 2 (16), pp. 63—87. (In Russian)
56. Tikhonova V. B. K voprosu o ponyatii chesti v mental'nosti russkikh pomeshchikov XVII v. [On the concept of honor in mentality of the Russian landowners of the XVII century]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya — Genesis: Historical Research*, 2021, no. 9, pp. 89—120. DOI: 10.25136/2409-868X.2021.9.36320. (In Russian)

57. Florya B. N. Otsenki vozmeshcheniya za oskorblenie dvoryanskoi “chesti” i “chesti” predstavitelei drugih soslovii v pamyatnikakh russkogo zakonodatel'stva XVI—XVII vekov [Estimates of compensation for insults to noble “honor” and the “honor” of representatives of other classes in Russian legislative documents of the 16—17th centuries]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, 2017, no. 4 (70), pp. 5—16. (In Russian)

58. Chernaya L. A. “Chest’”: predstavleniya o chesti i beschestii v russkoi literature XI—XVII vekov [“Honor”: Concepts of honor and dishonor in Russian literature of the 11—17th centuries]. *Drevnerusskaya literatura: Izobrazhenie obshchestva* [Old Russian literature. Image of society]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 56—84. (In Russian)

59. Eskin Yu. M. *Ocherki istorii mestnichestva v Rossii XVI—XVII vv.* [Essays on the history of local government in Russia in the 16—17th centuries]. Moscow, Kvadriga Publ., 2009. 512 p. (In Russian)

60. Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (Iz raskopok 1997—2000 gg.). T. 11* [Novgorod charters on Birch Bark (from excavations of 1997—2000). Vol. 11]. Moscow, Russkie slovari Publ., 2004. 287 p. (In Russian)

Информация об авторе

С. В. Омелянчук — кандидат исторических наук, доцент

Information about the author

S. V. Omelyanchuk — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 07.08.2025; одобрена после рецензирования 04.10.2025;
принята к публикации 20.11.2025

The article was submitted 07.08.2025; approved after reviewing 04.10.2025;
accepted for publication 20.11.2025